

Актамов И. Г. Образование как инструмент российской «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в конце XX — начале XXI веков / И. Г. Актамов // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 221—237. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-221-237.

Aktamov, I. G. (2020). Education as an Instrument of Russian “Soft Power” in Russian-Mongolian Relations at the End of XX — Beginning of XXI Centuries. *Nauchnyi dialog*, 4: 221-237. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-221-237. (In Russ.).

УДК 327.8(470:517.3)“1921/2019”+327.8(510:517.3)“1995/2019”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-221-237

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РОССИЙСКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ¹

© Актамов Иннокентий Галималаевич (2020), orcid.org/0000-0002-8646-1048, Researcher ID F-3233-2017, SPIN 2847-2592, кандидат педагогических наук, доктор философии (PhD), заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков», федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН); доцент кафедры общей педагогики Педагогического института, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Улан-Удэ, Россия), aktamov13@gmail.com.

Выполнен анализ развития сотрудничества в области образования между Россией и Монголией в новейшей истории. В исследовании рассматриваются вопросы трансформации двусторонних связей в образовательной сфере под влиянием различных факторов. Уделяется внимание предпосылкам снижения интенсивности двухсторонних контактов, а также реализации конкретных проектов, которые в той или иной мере стимулируют рост академической мобильности. В работе показано, что исторические процессы конца XX века в Монголии оказали влияние на охлаждение отношений между странами. Отмечается, что в 2000-е годы активизировались монгольско-китайские отношения, в том числе и в гуманитарной сфере. Утверждается, что «мягкая сила» Китая в виде различного рода программ для молодежи носит системный характер и оказывает влияние на формирование общественного сознания в отношении «южного соседа». Автор считает необходимым признать, что Россия по объективным причинам уступает Китаю в области гуманитарных проектов. В то же время он отмечает доброжелательное отношение к россиянам и к России в целом со стороны населения Монголии, особенно старшего поколения. Актуальность исследования заключается в выявлении тенденций, факторов, определяющих характер взаимовлияния России и Монголии в сфере образования в новейший период исторического развития. Анализируются характер взаимодействия Монголии и регионов России и их роль в развитии двусторонних отношений.

1 Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-514-44-001 Монг_т.

Ключевые слова: Россия; Монголия; «мягкая сила»; гуманитарное сотрудничество; образование.

1. Краткий исторический экскурс в советско-монгольские двусторонние отношения в области образования

Официальная новейшая история двух стран охватывает период с начала 1921 года, когда Советская Россия подписала Соглашение с Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений от 05.11.1921 года, которое стало первым международным актом, признававшим суверенитет монгольского государства [Советско-монгольские ..., 1966, с. 13]. Таким образом, именно с этого времени советско-монгольские отношения начинают развиваться практически во всех сферах. Принципиально важным моментом в истории этих отношений является подписание в 1936 году Протокола о взаимной помощи, после которого на территории Монголии были дислоцированы советские военные части. Это был определяющий этап в развитии двусторонних отношений, поскольку непосредственно касался национальных интересов двух государств. Что же касается социально-экономического развития, то Монголия с 1930-х годов начала активно перенимать советский опыт [Политический процесс ..., 2018, с. 212]. Была инициирована ускоренная модернизация монгольского общества посредством его секуляризации, создания и развития системы массового начального и среднего образования, большое внимание уделялось становлению системы здравоохранения, всей социальной сферы [Бойкова, 2001]. Создание системы всеобщего начального и среднего образования в Монголии было сопряжено с решением ряда проблем как материального, так и методического характера. Принципиальной проблемой, которую следовало решить, было отсутствие кадров, способных реализовывать образовательный процесс в новых условиях. Традиционная система образования Монголии носила преимущественно религиозный характер, вместе с тем существовало относительно небольшое количество школ, созданных при Цинской империи, где готовили писарей для нужд маньчжурского правительства. С изменением социально-политической ситуации новому правительству Монголии нужно было заново создать инфраструктуру для искоренения неграмотности. Схожие проблемы решались и Советским Союзом в указанный исторический период. Таковую же модель начали применять в Монголии. Исторически важным решением стал переход Монголии с классической монгольской письменности на кириллицу. Эксперименты с письменностью начали реализовываться в Бурят-Монгольской АССР, которая находилась в составе Советского Союза. Классическая монгольская письменность ис-

пользовалась монгольскими племенами с XIII века. Под воздействием разных факторов она видоизменялась, трансформировалась, но сохранила свою систему до настоящего времени¹. После непродолжительного периода использования латиницы в 1939 году Бурят-Монголия перешла на кириллицу. После совещаний между главами СССР и МНР было решено перейти на кириллицу с 1941 года. По мнению Д. Энхбаяра, «переход на кириллицу позволил приступить к реализации первоочередных задач в построении современной системы образования Монгольской Народной Республики — ликвидацию неграмотности среди взрослого населения, максимальный охват начальным образованием детей и переход к профессиональному образованию. Изначально уроки русского языка велись советскими специалистами. Подготовка монгольских учителей велась в разных городах Советского Союза — Москве, Ленинграде, Иркутске, Улан-Удэ, Кяхте» [Энхбаяр, 2011, с. 97]. Вместе с тем руководители страны понимали, что без собственной системы подготовки кадров государство не может успешно развиваться. При помощи СССР в 1940 году в Улан-Баторе был основан учительский институт. Собственных ресурсов было недостаточно, поэтому в 1941 году в Улан-Батор перевозят педагогическое училище, которое находилось в Улан-Удэ. Это в определенной степени помогает решить ряд вопросов, в том числе по кадрам и контингенту учащихся.

В деле подготовки высококвалифицированных кадров невозможно переоценить значение первого высшего учебного заведения Монголии — Монгольского государственного университета, который был открыт в 1942 году при помощи Советского Союза. В связи с этим событием 5 октября 1942 года Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совнарком СССР направил приветствие в адрес премьер-министра МНР Х. Чойбалсана: «Всесоюзный комитет по делам высшей школы по указанию советского правительства всегда оказывал, оказывает и будет оказывать помощь и поддержку развитию культуры в Вашей стране!» [Джагаева и др., 2015, с. 262]. В подтверждение данного обращения Всесоюзный комитет по делам высшей школы направил в молодой вуз научных работников по ряду специальностей, оборудование для учебных лабораторий по зоологии, животноводству, физике, химии и ботанике [Там же].

Монгольский госуниверситет на этапе своего становления был представлен тремя факультетами: зоологическим, медицинским и педагогиче-

1 Классическая монгольская письменность до сих пор используется как в самой Монголии, так и в Бурятии в сфере науки, культуры, образования. Но официальный статус ей придали в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР, где он используется наряду с китайским языком. — *И. А.*

ским. Общее количество студентов составляло 90 человек, и в 1946 году был осуществлен первый выпуск. По состоянию на 1957 год в составе университета уже были созданы исторический, экономический факультеты, факультет монгольского языка и литературы, факультет иностранных языков, ветеринарный, зоотехнический, агрономический, а также математический, химический, биологический, физический факультеты. Отдельная подготовка велась по медицинским специальностям. В составе вуза функционировали 39 кафедр, общий контингент студентов составил свыше двух с половиной тысяч [Монгол улсын түүх ..., 2003].

Несмотря на все сложности, в результате реализации комплекса мероприятий монгольских и советских педагогов уже к концу 1957 года количество грамотных монголов в возрасте от 13 до 45 лет составило 93,4 %, а в начале 1970-х годов МНР стала страной сплошной грамотности и вошла в ряд государств, обладающих высоким научным и культурным потенциалом [Энхбаяр, 2011, с. 97].

В период с 1980 по 1990 годы Советский Союз усилил научно-педагогическое направление сотрудничества, велась подготовка кадров высшей квалификации для всех сфер жизнедеятельности. В 1986—1990 годах из Монголии в советские вузы ежегодно направлялось до 1300 чел., тогда как общее количество первокурсников из всех других стран, вместе взятых, составляло лишь 160 чел. в год [Там же]. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что образовательное сотрудничество с Монголией имело особое значение во внешней политике Советского Союза.

Начало 1990-х годов было ознаменовано кардинальными изменениями в социально-экономической и политической сферах в Советском Союзе, которые в итоге привели к распаду государства. Еще раньше, в 1987 году, руководством Монголии было принято принципиальное решение: в вузах был отменен государственный экзамен по русскому языку, а в 1988 году — выпускной экзамен по этому предмету в школах. Почти 500 учителей русского языка остались без работы [Там же]. Как известно, конец XX века был ознаменован подъемом антисоветских (антироссийских) настроений во многих странах бывшего СССР и странах социалистического блока. На волне демократической эйфории многие государства полностью отказались от многих позитивных достижений советской эпохи. Руководство Монголии настояло на отзыве советских специалистов, что автоматически сказалось на сокращении культурных, образовательных и научных связей. Советское (российское) культурное влияние воспринималось как наследие «имперской политики», от которого необходимо было в кратчайшие сроки избавляться. Как отмечает В. А. Родионов, «нередко попытки сознательного дистанци-

рования от любых атрибутов собственного социалистического прошлого, становившиеся частью государственной политики, являлись по существу действиями по отторжению культурного влияния России» [Родионов, 2009, с. 257]. Несмотря на все сложности и испытания, которые пришлось на конец XX века, в начале XXI века в российско-монгольских отношениях произошел постепенный переход к нормализации отношений в гуманитарной сфере. В 2002 году страны подписали «Программу сотрудничества Правительства РФ и Правительства Монголии в области науки и культуры на 2003—2006 гг.», что стало знаковым моментом в новейшей истории российско-монгольских отношений. После этого был заключен ряд соглашений в сфере культуры и образования, расширились образовательные программы, стали функционировать учреждения высшего образования в Улан-Баторе, увеличилось количество студентов, обучающихся в рамках квот по линии Россотрудничества. Но принципиальное значение имело принятие Правительством Монголии решения о введении русского языка в средних общеобразовательных школах Монголии с 7 класса [Там же, с. 258]. Таким образом, российское влияние на культурно-образовательную сферу Монголии на институциональном уровне начало возвращать свои позиции.

2. Краткая характеристика образовательного пространства Монголии

Монголия постсоциалистического периода находится в поиске оптимальной модели образовательной системы, которая позволила бы не только ответить на современные глобальные вызовы с точки зрения подготовки кадров, воспитания подрастающего поколения, но и позволить стране конкурировать на региональном и международном уровнях. Руководство страны стоит перед выбором: возврат к «русской линии» в изменившихся условиях, переход на западную модель или конструирование собственной национальной системы. Очевидно, что в современных условиях невозможно развиваться абсолютно независимо, вне глобальных тенденций и взаимовлияния. Именно поэтому интерес вызывает то, как Монголия пытается выстроить свою систему с учетом двух своих географических соседей и «третьего соседа» [Родионов и др., 2017].

Система образования Монголии в современном виде принципиально не отличается от российской системы, поскольку обе страны включены в болонский процесс. В Монголии реализуется модель высшего образования «бакалавриат — магистратура — докторантура». Статистические данные представлены в таблице 1 [Дээд боловсролын салбарын 2018—2019 оны ...].

Таблица 1

Учреждения высшего образования Монголии

Период	Общее количество	Государственные учреждения	Негосударственные учреждения	Иностранные учреждения
2014—2015	101	16	80	5
2015—2016	100	17	78	5
2016—2017	95	17	74	4
2017—2018	96	18	75	3
2018—2019	94	18	73	3

Как видно из таблицы, подавляющее большинство высших учебных заведений представлено частными заведениями. Вместе с тем есть незначительная тенденция к сокращению частных вузов и увеличению количества государственных учреждений. Из 94 высших учебных заведений Монголии 86 реализуют свою деятельность в Улан-Баторе, 8 расположены в аймаках (районах) страны. Очевидная диспропорция количества вузов в столице страны и в аймаках объясняется характером расселения: по разным оценкам, примерно половина из более чем трехмиллионного населения страны проживает в Улан-Баторе. Это существенным образом влияет на внутреннюю миграцию молодежи, которая стремится после окончания школ в аймаках переехать в столицу и остаться. Получив образование, молодые люди в большинстве своем уже не хотят заниматься сельским хозяйством, традиционными видами деятельности. В результате аймаки Монголии ощущают острую нехватку населения, что сказывается на социально-экономическом развитии регионов страны. Районы, в которых расположены высшие учебные заведения, представлены ниже. Большинство этих заведений расположены в центральной и северо-западной частях страны. Исключение составляют два учреждения — это Университет Дорнод, который находится на востоке страны (район носит название Восточный — «Дорнод аймаг») и Университет Ховд, который находится на западе (Кобдосский аймак). Примечательно, что в районах Монголии нет иностранных высших учебных заведений. Очевидно, это объясняется высокими затратами и небольшим количеством обучающихся по образовательным программам.

В таблице 3 представлены данные о распределении вузов по типу [Дээд боловсролын салбарын 2018—2019 оны ...].

По представленным ниже данным мы можем проследить, что имеют место тенденции к сокращению количества институтов и увеличению количества университетов.

Таблица 2

Организации высшего образования, расположенные в аймаках Монголии

Государственные	Негосударственные	Филиалы иностранных вузов
Университет Ховд	Институт Дархан (Дархан-ул)	—
Университет Дорнод	Институт Маргад (Орхон)	—
Учебно-исследовательский институт Министерства сельского хозяйства (Дархан-ул)	Колледж Гурван тамир (Архангай)	—
—	Институт Далай ван (Хубсугул)	—
—	Национальный институт торговли (Баянхонгор)	—

Таблица 3

Типы высших учебных заведений Монголии

Период	Общее количество	Университеты	Институты	Колледжи	Филиалы иностранных вузов
2014—2015	101	18	70	8	5
2015—2016	100	25	64	6	5
2016—2017	95	31	57	3	4
2017—2018	96	35	52	6	3
2018—2019	94	35	49	7	3

В 2018—2019 учебном году количество учащихся в учреждениях высшего образования (94 организации) составило 157 625 чел. В процентном соотношении это выглядит следующим образом: в вузах обучается 32,7 %, в институтах — 52,1 %, в колледжах — 7,4 % и в иностранных учебных заведениях — 3,2 % от общего количества учащихся. Министерством образования, культуры, науки и спорта Монголии реализуется работа по повышению качества высшего образования, в связи с чем сокращаются вузы, не соответствующие требованиям ведомства. Например, наибольшее количество учреждений высшего образования было отмечено в 2004 году и составило 184 организации, в 2006 году их стало уже 170, в 2012 году — 99, а в 2018 году — 94, что по сравнению с 2004 годом сократилось практически в два раза [Монгол улсын боловсролын ..., 2019]. Таким образом реализуется образовательная политика правительства, нацеленная на повыше-

ние требований к организационным, методическим, кадровым условиям реализации программ высшего образования. В результате одни вузы были объединены, а другие прекратили свою деятельность.

Наибольшее количество обучающихся фиксировалось в 2014 году и составило 178 295 чел. По состоянию на 2018—2019 учебный год число учащихся — 157 625 чел. Сокращение количества студентов профильное министерство связывает в первую очередь с демографическими процессами, которые имеют волнообразный характер.

Несмотря на то, что государственных вузов всего 18 (данные в табл. 1), что составляет 19,1 % от всех учреждений высшего образования, общее количество обучающихся в государственных вузах составляет 55,8 %. По сравнению с 2006 годом, когда обучающихся в государственных учреждениях было 65,6 %, показателен процесс снижения количества студентов, тем не менее общая тенденция высокого спроса на государственные вузы сохраняется.

По данным Министерства образования, культуры, науки и спорта страны, Монголия по охвату высшим образованием на 100 000 населения в 5 раз превышает показатели России, в 5,4 раза — показатели Японии, в 15 раз — показатели Турции [Ibid.].

Таким образом, сеть учреждений высшего образования Монголии представляет собой сочетание государственных, негосударственных (частных) и иностранных заведений. Основываясь на оценке контингента обучающихся, мы можем сделать вывод, что монгольская молодежь все же предпочитает в большинстве своем государственные высшие учебные заведения.

Образовательная политика является одним из важнейших направлений развития государства. После 1990 года Монголия пошла по пути модернизации высшего образования в соответствии с международными тенденциями и стандартами. В 1995 году был принят пакет законов. Согласно ему, образование определялось как «приоритетное направление развития, которое находится под патронажем правительства и пристальным вниманием общественности» [Ibid.]. В этом же пакете были определены уровни высшего образования: бакалавриат, магистратура, докторантура, — а также количество кредитов, которые должны быть освоены на каждом из уровней образования. В 1998 году были внесены поправки и скорректированы основные принципы: было принято положение о том, что образование в Монголии реализуется с целью формирования интеллектуально, морально и физически развитых граждан, которые обладают гуманизмом, способностью к самообразованию, самостоятельной профессиональной и общественной деятельности [Эрх зүйн мэдээллийн ...].

3. «Битва за умы»: образовательное пространство Монголии как арена борьбы разных акторов «мягкой силы»

Концепция «мягкой силы», автором которой является американский политолог Джозеф Най, учитывает факторы «мягкого» воздействия одного государства на другое (или другие) через конструирование привлекательности образа страны, ее ценностей, языка, истории и других проявлений культуры. Американский исследователь исходит из того, что «жесткая сила» в международных отношениях в виде применения непосредственного давления (военного, экономического) противопоставляется «мягкой силе», выраженной в экономическом развитии, высоком уровне жизни, творческих и культурных способностях нации, развитии науки [Нье, 2004].

Термин *мягкая сила* оформился как научный концепт в 1990-е годы, затем он применялся во внешней политике США, в том числе через образ «американская мечта». Выражение *американская мечта* восходит к периоду великой депрессии, но широкое распространение оно получило после развала СССР. Концепт АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА сами американцы в общем виде определяют как стремление человека к достижению успеха, материального благополучия, которое предполагает социальный рост от низших слоев общества к элите, что в конечном счете выражается в признании, богатстве и славе. Кроме того, успешность человека выражается в возможности позволить себе иметь собственный дом, высокооплачиваемую работу, занимать достойное положение в современном обществе [Коршунова, 2017]. Все это зависит от личностных качеств человека, его целеустремленности, что в конечном счете говорит о наличии равных для всех возможностей достичь успеха. Американское правительство начало активно использовать данный термин в качестве примера справедливого общественного устройства, которое дает всем людям одинаковые шансы, исключает протекционизм, дискриминацию по различным критериям. Концепт АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА довольно успешно конструировал образ Америки как страны, где сбываются мечты, в сознании граждан разных стран по всему миру и был весьма эффективным инструментом мягкой силы.

Однако идея использовать «мягкую силу» для распространения влияния на другие государства восходит к древнекитайской философии. К примеру, один из величайших мудрецов в китайской истории Лао-цзы, которому приписывают авторство философского трактата «Дао-Дэ-Цзин», отмечал: «Лучшие узы те, что не удерживаются ничем материальным, но их нельзя разорвать» [Лао-Цзы, 2009, с. 18]. Данную стратегию начали использовать в новейшее время, в первую очередь через гуманитарное направление внешней политики — специально созданную Канцелярию (汉办), которая нача-

ла развивать сеть Институтов Конфуция [Актамов и др., 2019]. Не вдаваясь в детальный анализ направлений внешней политики КНР в новейшее время, постараемся проанализировать прежде всего соперничество между Россией и Китаем в образовательном пространстве Монголии. Ареной соперничества образовательное пространство Монголии стало после 1991 года. Особую активность в этом плане стали проявлять США, которые были заинтересованы в распространении своего влияния в Северо-Восточной Азии, а Монголия в этом плане представляла стратегический интерес. По данным информационных ресурсов, в Улан-Баторе в настоящий момент функционирует несколько частных средних общеобразовательных школ, которые реализуют свои образовательные программы в соответствии со стандартами Министерства образования, культуры, науки, спорта Монголии. Преобладают школы, в которых приоритетом является изучение иностранных языков с младших классов: английского, китайского, русского, корейского, японского. Наибольшее количество школ ориентировано на преподавание английского языка (программы по стандартам Кембриджа, Оксфорда и др.). На втором месте школы, в которых изучают китайский и русский языки. Школы с китайским языком — это Путонхуа, СЭН ЛИЗЭ, Уй Цай, «Хишиг», «Тольт» (англо-китайский, класс Конфуция) [Улаанбаатар хотын ...]. Первые китайские школы начали появляться в конце 1990-х годов, в том числе две основные школы Путонхуа и Уй Цай были основаны в 1997 году. Частные школы с углубленным изучением русского языка представлены такими учебными заведениями, как Русская гимназия, «Радуга», русская школа имени Плеханова, «Ромашка», совместная российско-монгольская школа. Что интересно, в «Ромашке», помимо русского языка, изучают и китайский. Российская государственная школа в Монголии одна — средняя школа при Посольстве РФ, которая была основана в 1992 году. Школа «Кириллица» функционирует на базе Российского центра науки и культуры (РЦНК), и ее деятельность не ограничивается только учебным процессом. Сотрудники РЦНК, учителя школы проводят различные культурные мероприятия с привлечением широкого круга участников, в том числе старшего поколения, а также людей с ограниченными возможностями здоровья. Аналогичных китайских школ в Улан-Баторе нет. Вместе с тем китайские школы имеют как минимум одно конкурентное преимущество: выпускники средних школ с очень высокой долей вероятности имеют возможность продолжить обучение в вузах КНР за счет правительства Китая либо за счет стипендий провинций (автономий)¹. Таким образом, мы видим,

¹ Например, 100 % выпускников школы Путонхуа имеют возможность продолжить обучение. Ссылка на официальную страницу в социальной сети фейсбук (Facebook): <https://www.facebook.com/putonghuan/>.

что учреждения среднего образования, представленные частными учебными заведениями, в основном ориентированы на американские и британские стандарты. На втором месте учебные заведения, опирающиеся на китайские и российские стандарты. Спрос на западную модель образования, как уже отмечалось выше, был обусловлен желанием дистанцироваться от коммунистического прошлого, «имперского наследия» Советского Союза. Справедливости ради следует отметить, что подобные процессы протекали во многих странах, в том числе и в самой России. В новейший период своего развития Монголия активно привлекала международные организации для реализации различных образовательных программ, таких как ЮНЕСКО, Азиатский банк развития, Международный банк реконструкции и развития и другие. Кроме того, большую активность проявляют государства-партнеры Монголии. Активность в сфере образования в виде прямых инвестиций проявляют такие страны, как Япония, Соединенные Штаты Америки, Республика Корея, КНР, Канада. Например, в 2001 году благодаря корейским инвестициям открылся Монгольский международный университет, в 2005 году — филиал Гарвардского университета, а еще раньше, в 1996 году, был открыт институт «Соёл Эрдэм» (Япония) и др. [Цэдэв и др., 2013, с. 56—57].

Как отмечают монгольские исследователи, развитие образовательного пространства Монголии, инновационная деятельность зарубежных консультантов в сфере образования позволяют преподавателям и студентам легче адаптироваться к новым реалиям, помогают приобщиться к научно-исследовательской деятельности, обновить и обогатить методический опыт. Вместе с тем иностранные специалисты предоставляют свою помощь не без стратегических целей. Руководители проектов Дж. Г. Хван (J. G. Hwang) и Дж. С. Вейдман (J. C. Weidman) в своих публикациях недвусмысленно отмечали, что главное в этой работе — демонтаж социалистической системы образования, а также переориентация населения с социалистических на капиталистические идеалы демократии [Супрунова, 2006]. Нет сомнения в том, что кроется за «весьма щедрыми инвестициями» со стороны развитых держав: через свои образовательные проекты они воспитывают в Монголии убежденных сторонников идей и ценностей, которых придерживаются сами [Цэдэв и др., 2013, с. 57]. Именно в этом выражается реализация политики «мягкой силы» со стороны иностранных держав в образовательном пространстве Монголии.

За последние десять лет получение образования в Китае для граждан Монголии стало уже стратегией, которая в перспективе принесет хорошие дивиденды с точки зрения трудоустройства или ведения бизнеса. Именно поэтому многие родители стремятся отправить своих детей на обучение

в вузы Китая по программам бакалавриата, магистратуры, докторантуры [Актамов, 2012]. Однако, по данным Министерства образования, культуры, науки, спорта Монголии, с 2012 по 2018 годы по двусторонним соглашениям о сотрудничестве в сфере образования количество монгольских студентов по странам выглядит следующим образом: в Российской Федерации обучалось 34,6 %, в КНР — 33,7 %, в Венгрии — 8,2 %, в Японии — 4,5 %, в Турции — 4,4 %. Динамика по годам [Боловсрол ...] представлена в таблице (табл. 4).

Таблица 4

Обучение студентов в иностранных вузах
в период с 2012 по 2018 годы

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Итого
РФ	208	220	226	350	474	496	510	2484
КНР	319	355	353	376	361	399	258	2421
АРВМ (КНР)	—	—	—	—	—	—	100	100
Венгрия	4	5	15	79	98	185	200	586
Япония	58	58	35	—	58	58	58	325
Турция	53	—	35	—	75	75	75	313

Как видно из таблицы, практически все страны наращивают количество квот на обучение для монгольских абитуриентов. Показательна в этом плане динамика России, которая обогнала Китай по данному показателю, то есть увеличение бюджетной поддержки на обучение иностранных граждан напрямую говорит о планомерной государственной политике в данном направлении. Вместе с тем увеличение квот со стороны России невозможно без инициативы со стороны монгольских властей. Вполне вероятно, что это взвешенная политика монгольского правительства, которое стремится сохранить баланс между своими географическими соседями — Россией и Китаем — без предоставления кому бы то ни было преимущественного положения. При этом Россия, пользуясь сложившейся конъюнктурой, наращивает гуманитарную составляющую в двусторонних российско-монгольских отношениях.

Опасения руководства Монголии вполне понятны, поскольку экономически Китай доминирует с большим отрывом. Например, по результатам 2019 года доля экспорта Монголии в Китай составила 89,1 % от всего объема (44,4 % в структуре экспортируемой продукции составляет каменный уголь, 26,4 % — редкоземельные металлы). По предварительным оценкам национального бюро статистики, импорт в 2019 году представлен следующим образом: КНР — 33,6 %, Россия — 28,2 %, Япония — 9,6 %, США —

4,7 %, Республика Корея — 4,4 %. Что касается структуры импорта, то 55,8 % из общего объема импорта из России составляют нефтепродукты, 60,9 % импорта из Японии составляют легковые автомобили, 13,8 % импорта из КНР составляют грузовые автомобили [Монгол улсын ..., 2019].

4. Заключение

История российско-монгольского двустороннего сотрудничества, несмотря на периоды охлаждения отношений между странами, в целом носила дружественный характер. Этому во многом способствовала историческая память о помощи Советского Союза в создании и развитии нового монгольского государства, военная, социальная и экономическая помощь в трудные периоды развития страны. Особое значение имеет то, что старшее поколение современных монгольских политиков, чиновников, ученых, деятелей культуры, представителей бизнеса получило образование еще в СССР, в большинстве своем они сохранили позитивный образ «русского человека». Образ Китая, наоборот, имеет отрицательную историческую коннотацию. Однако с начала нового тысячелетия «хороший образ» России начал размываться в силу ослабления гуманитарных и экономических контактов. Свободную нишу довольно активно стал заполнять Китай. При этом китайская сторона системно подошла к монгольскому направлению внешней политики. На первом этапе влияние осуществлялось через сотрудничество в сфере образования: обучение китайскому языку, культуре, организацию и проведение летних школ, реализацию совместных образовательных программ в вузах. На втором этапе — через подготовку кадров высшей квалификации в вузах КНР. В течение четырех лет монгольские магистранты и докторанты получают профессию по различным направлениям подготовки за счет Правительства КНР. После возвращения к себе на родину молодые специалисты становятся невольными трансляторами китайского образования, образа жизни, культуры в целом. По образному выражению одного из моих коллег, получившего образование в Китае, «мы становимся китайскими агентами мягкого влияния». Следует отметить, что это касается не только Китая, но и других стран. Например, довольно активно функционирует общество выпускников германских вузов Монголии, выпускников американских вузов и т. д. Одной из самых представительных является Ассоциация выпускников советских / российских вузов Монголии [Форум выпускников ...]. Исторически наиболее многочисленными являются представители московских, уральских и иркутских вузов. Если еще лет пятнадцать назад данная ассоциация практически не имела конкурентов в плане численности, представительства в различных

сферах, то сейчас ситуация изменилась. Приходит новое поколение, которое получило образование в 1990-е годы в странах запада. Очевидно, что через какое-то время придет третья волна — выпускников вузов КНР. Новые специалисты практически не будут уступать в количестве, представительстве в разных сферах советским / российским выпускникам. Исходя из этого, заключим, что данное направление деятельности требует детального анализа для выявления закономерностей двусторонних российско-монгольских взаимоотношений, а также взаимоотношений в треугольнике Китай — Монголия — Россия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Актамов И. Г.* Гуманитарная география трансграничья : ценностные доминанты и модели поведения иностранных студентов / И. Г. Актамов // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — № 1. — С. 5—10.
2. *Актамов И. Г.* «Мягкая сила» Китая : образовательные стратегии внешнеполитического влияния / И. Г. Актамов, Т. Б. Бадмацыренов // Власть. — 2019. — Том 27. — №3. — С. 231—236. — DOI : <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6450>.
3. *Бойкова Е. В.* Советско-монгольское сотрудничество в 1930-е годы / Е. В. Бойкова // Россия и Монголия : новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. — Москва : ИВ РАН, 2001. — С. 120—121.
4. *Джагаева О. А.* Сотрудничество СССР и МНР в области образования и науки в 1940-е гг. / О. А. Джагаева, Э. Б. Манжиков // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 12. — С. 261—263.
5. *Кориунова Е. С.* «Американская мечта» в американской художественной литературе / Е. С. Кориунова // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». — 2017. — №4. — С. 22—38.
6. *Лао Цзы.* Дао-Де-Цзин / под редакцией В. В. Антонова. — Одесса : New Atlanteans. — 60 с.
7. *Политический процесс в Монголии в условиях постсоциалистической трансформации* / научный редактор А. С. Железняков. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2018. — 212 с.
8. *Родионов В. А.* «Мягкая» сила в современных российско-монгольских отношениях / В. А. Родионов // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — № 8. — С. 255—260.
9. *Родионов В. А.* «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В. А. Родионов, И. Г. Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 420. — С. 125—130.
10. *Советско-монгольские отношения. 1921—1966 : сборник документов.* — Москва : Международные отношения, 1966. — Т. 1.
11. *Супрунова Л. Л.* Образование в Монголии — трудности и достижения переходного периода / Л. Л. Супрунова // Педагогика. — 2006. — № 2. — С. 101—112.
12. *Форум выпускников советских/российских вузов и молодежи в Улан-Баторе, посвященный 80-летию Победы на Халхин-Голе* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://mng.rs.gov.ru/%20%09/news/52754>.

13. *Цэдэв Н. Х.* Высшее образование в Монголии / Н. Х. Цэдэв, Д. Мунхбат // Вестник Московского государственного университета. Серия 7. Философия. — 2013. — № 3. — С. 56—57.
14. *Энхбаяр Д.* Трансформация системы образования Монголии / Д. Энхбаяр // Власть. — 2011. — № 3. — С. 96—99.
15. *Боловсрол*, соёл, шинжлэх ухаан, спортын яам [Electronic resource]. — Access mode : <https://mecss.gov.mn/news/1388/>.
16. *Дээд боловсролын салбарын 2018—2019 оны хичээлийн жилийн статистикийн мэдээллийн танилцуулга* [Electronic resource]. — Access mode : <https://mecss.gov.mn/news/1388/>.
17. *Монгол улсын боловсролын суурь мэдээллийн тайлан.* — Улаанбаатар, 2019 он. — 152 х.
18. *Монгол улсын түүх. V боть.* — Улаанбаатар, 2003. — 374 х.
19. *Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо*, 2019, 67 х. [Electronic resource]. — Access mode : https://drive.google.com/file/d/1Ane3V_B1jmKnqTuQio80is_Cn5fkWI_h/view.
20. *Улаанбаатар хотын бүх хувийн дунд сургуулиуд* [Electronic resource]. — Access mode : <https://huree.mn/>.
21. *Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (Единая юридическая информационная система)* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.legalinfo.mn/law/details/9020>.
22. *Nye Joseph.* Soft Power. The Means to Success in World Politics / Joseph Nye. — New York, 2004. — 192 p.

EDUCATION AS AN INSTRUMENT OF RUSSIAN “SOFT POWER” IN RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS AT THE END OF XX — BEGINNING OF XXI CENTURIES¹

© **Innokenty G. Aktamov (2020)**, orcid.org/0000-0002-8646-1048, Researcher ID F-3233-2017, SPIN 2847-2592, PhD in Pedagogics, Head of the Laboratory “Center for Translation from Oriental Languages”, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS); associate professor, Department of General Pedagogy, Pedagogical Institute, Buryat State University named after D. Banzarov (Ulan-Ude, Russia), aktamov13@gmail.com.

The article is devoted to the analysis of the development of cooperation in the field of education between Russia and Mongolia in recent history. The transformation of bilateral ties in the educational sphere under the influence of various factors is discussed in the study. Attention is paid to the prerequisites for reducing the intensity of bilateral contacts, as well as the implementation of specific projects that, to one degree or another, stimulate the growth of academic mobility. It is shown that the historical processes of the late twentieth century in Mongolia had an impact on the cooling of relations between countries. It is noted that in the 2000s, Mongolian-Chinese relations, including in the humanitarian sphere were intensified. It is affirmed that China's “soft power” in the form of various kinds of programs for young people

---

¹ The work was performed as part of the RFBR project No. 19-514-44-001 Mong_t.

is systemic and influences the formation of public consciousness in relation to the “southern neighbour”. The author considers it necessary to recognize that, for objective reasons, Russia is inferior to China in the field of humanitarian projects. At the same time, the benevolent attitude towards the Russians and to Russia as a whole on the part of the population of Mongolia, especially the older generation is noted. The relevance of the study is to identify trends, factors that determine the nature of the mutual influence of Russia and Mongolia in the field of education in the latest period of historical development. The nature of the interaction of Mongolia and the regions of Russia and their role in the development of bilateral relations are analyzed

Key words: Russia; Mongolia; Soft power; humanitarian cooperation; education.

REFERENCES

- Aktamov, I. G. (2012). Gumanitarnaya geografiya transgranichya: tsennostnyye dominanty i modeli povedeniya inostrannykh studentov. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1: 5—10. (In Russ.).
- Aktamov, I. G., Badmatsyrenov, T. B. (2019). «Myagkaya sila» Kitaya: obrazovatelnyye strategii vneshnepoliticheskogo vliyaniya. *Vlast'*, 27 (3): 231—236. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6450>. (In Russ.).
- Antonova, V. V. Lao Tsy. *Dao-De-Tszin*. Odessa: New Atlanteans. (In Russ.).
- Boykova, E. V. (2001). Sovetsko-mongolskoye sotrudnichestvo v 1930-e gody. In: *Rossiya i Mongoliya: novyy vzglyad na istoriyu vzaimootnosheniy v XX veke*. Moskva: IV RAN. 120—121. (In Russ.).
- Bolovsrol, soel, shinzhekh ukhaan, sportyn yam*. Available at: <https://mecss.gov.mn/news/1388/>. (In Mong.).
- Deed bolovsrolyn salbaryn 2018—2019 ony khicheeliyn zhiliyn statistikiyn medeelliyn tanilt-suulga*. Available at: <https://mecss.gov.mn/news/1388/>. (In Mong.).
- Dzhagayeva, O. A., Manzhikov, E. B. (2015). Sotrudnichestvo SSSR i MNR v oblasti obrazovaniya i nauki v 1940-e gg. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 12: 261—263. (In Russ.).
- Enkhbayar, D. (2011). Transformatsiya sistemy obrazovaniya Mongolii. *Vlast'*, 3: 96—99. (In Russ.).
- Erkh zyyн medeelliyn negdsen sistem* (Edinaya yuridicheskaya informatsionnaya sistema). Available at: <https://www.legalinfo.mn/law/details/9020>. (In Mong.).
- Forum vypusknikov sovetskikh / rossiyskikh vuzov i molodezhi v Ulan-Batore, posvyashchenny 80-letiyu Pobedy na Khalkhin-Gole*. Available at: <http://mng.rs.gov.ru/%20%09/news/52754>. (In Russ.).
- Korshunova, E. S. (2017). «Amerikanskaya mechta» v amerikanskoy khudozhestvennoy literature. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'»*, 4: 22—38. (In Russ.).
- Mongol ulsyn bolovsrolyn suur' medeelliyn taylan* (2019 on). Ulaanbaatar. (In Mong.).
- Mongol ulsyn tyykh. V bot'*. (2003). Ulaanbaatar. (In Mong.).
- Mongol ulsyn yndesniy statistikiyn khoroo* (2019). Available at: https://drive.google.com/file/d/1Ane3V_B1jmKnqTuQio80is_Cn5fkWI_h/view. (In Mong.).
- Nye, J. (2004). Soft Power. In: *The Means to Success in World Politics*. New York.
- Rodionov, V. A. (2009). «Myagkaya» sila v sovremennykh rossiysko-mongolskikh otnosheniyakh. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8: 255—260. (In Russ.).

- Rodionov, V. A., Ayushiyeva, I. G. (2017). «Tretiy sosed» Mongolii kak ideyno-politicheskiy kontsept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 420: 125—130. (In Russ.).
- Sovetsko-mongolskiye otnosheniya. 1921—1966: sbornik dokumentov, I.* (1966). Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russ.).
- Suprunova, L. L. (2006). Obrazovaniye v Mongolii — trudnosti i dostizheniya perekhodnogo perioda. *Pedagogika*, 2: 101—112. (In Russ.).
- Tsedev, N. Kh., Munkhbat, D. (2013). Vyssheye obrazovaniye v Mongolii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, 3: 56—57. (In Russ.).
- Ulaanbaatar khotyn bykh khuviyn dund surguuliud.* Available at: <https://huree.mn/>. (In Mong.).
- Zheleznyakov, A. S. (2018). *Politicheskiy protsess v Mongolii v usloviyakh postsotsialisticheskoy transformatsii.* Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta. (In Russ.).